

**Сочинения Н.А.
Добролюбова**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С69

С69 Сочинения Н.А. Добролюбова: Том 1 / – М.: Книга по Требованию, 2016. – 417 с.

ISBN 978-5-517-97911-7

Критико-биографический очерк, вступительные статьи, примечания, библиографический указатель, два портрета и автограф.

ISBN 978-5-517-97911-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Н. А. Добролюбовъ.

Критико-біографическій очеркъ.

I.

Не много словъ понадобилось Некрасову для того, чтобы надъ свѣжей могилой своего почившаго сотрудника характеризовать его рано оборвавшуюся жизнь: «Бѣдное дѣтство въ домѣ бѣднаго священника, бѣдное полуголодное ученіе; потомъ четыре года лихорадочнаго неутомимаго труда, и наконецъ годъ за границей, проведенный въ предчувствіи смерти, — вотъ и вся біографія Добролюбова».

И если это не совсѣмъ такъ, то почти такъ. Жизнь Добролюбова дѣйствительно бѣдна событіями и легко укладывается въ намѣченную Некрасовымъ упрощенную схему.

Но развѣ одними внѣшними событіями опредѣляется содержаніе человѣческой жизни? Для нея они служатъ скорѣе рамой, оправой, которая лишь намекаетъ на стиль картины, но далеко не раскрываетъ всѣхъ его особенностей и красокъ. Въ простую безыскусственную оправу внѣшнихъ событій жизни Добролюбова вставлена картина огромнаго историческаго значенія и цѣнности.

Послѣ смерти критика даже идейные его антагонисты вынуждены были говорить о литературной гегемоніи Добролюбова, а главное — объ его правѣ на эту гегемонію, какъ объ *общепризнанномъ фактѣ*. «Отрицать Добролюбова, какъ явленіе эфемерное и побочное, — высказывался по этому поводу Н. Н. Страховъ, — значить, въ извѣстной степени, отрицать литературу, какъ явленіе эфемерное и побочное» («Время», 1862, № 3).

А между тѣмъ писатель, завоевавшій общее признаніе, не всего себя отдалъ литературѣ, и то, что мы знаемъ подъ именемъ «сочиненій» Добролюбова, далеко еще не выражаетъ всей полноты его идейныхъ переживаній.

Когда перечитываешь опубликованные Чернышевскимъ письма, дневники и замѣтки Добролюбова¹, когда знакомишься съ собранными тѣмъ же Чернышевскимъ, но по разнымъ причинамъ до сихъ поръ не опубликованными матеріалами того же характера², то какъ-то невольно ставишь себѣ вопросъ: что же, въ концѣ концовъ, имѣетъ большую цѣнность, — они ли, матеріалы, открывающіе доступъ въ интимный міръ Добролюбова, или его статьи и рецензіи, которыми самъ онъ раскрывалъ передъ нами свою духовную сущность?

Хочется, конечно, не дѣлать различія между строками, написанными Добролюбовымъ для себя и для насъ. Хочется сказать, что и то и другое оди-

¹ Здѣсь имѣются въ виду „Матеріалы для биографіи Н. А. Добролюбова“, во-первыхъ, изданные отдѣльной книгой (М. 1890), и, во-вторыхъ, вошедшіе въ „Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго“ (т. IX и X, ч. 2). Сюда же, въ-третьихъ, слѣдуетъ присоединить опубликованные Литературнымъ Фондомъ (въ „Юбилейномъ сборникѣ“ и въ „Соврем. Міръ“) дневники Добролюбова 1855 и 1857 гг.

² Всѣ матеріалы, собранные Чернышевскимъ, сохраняются въ архивѣ Литературнаго Фонда.

наково вводитъ насъ во внутренній міръ Добролюбова, а, стало быть, и то и другое для насъ равноцѣнно. И это въ извѣстной степени будетъ справедливо, но не совсѣмъ.

Идеи, которыя проводитъ Добролюбовъ въ своихъ сочиненіяхъ, уже не принадлежатъ ему одному. Это общее достояніе всѣхъ насъ, и мы сплошь и рядомъ пользуемся ими, какъ стертой монетой, не зная и даже не интересуясь, кѣмъ и при комъ она отчеканена. Къ тому же мы хорошо освѣдомлены о законмѣрной преемственности идей. Мы знаемъ, что Добролюбовъ сошелъ къ намъ не съ неба и что въ сферѣ провозглашенныхъ имъ положеній у него были не только предшественники и учителя, но послѣ него остались также послѣдователи и ученики. Мы знаемъ объ этомъ до такой степени отчетливо, что часто самымъ добросовѣстнымъ образомъ смѣшиваемъ Добролюбова съ Герценомъ и Бѣлинскимъ съ одной стороны, и съ Писаревымъ — съ другой.

Но если идейная индивидуальность Добролюбова, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, нерѣдко расплывается въ нашемъ сознаніи, теряясь своими контурами частью въ 40-хъ, частью въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, то социальнo-психологическій обликъ его, вырастающій изъ интимныхъ записокъ, писемъ и дневниковъ, навсегда запечатлѣвается въ нашей памяти единственнымъ и въ своемъ родѣ первымъ, — первымъ русскимъ интеллигентомъ-разночинцемъ.

Казалось бы, что и здѣсь первое мѣсто можетъ быть оспариваемо у Добролюбова. Бѣлинскій — вотъ первый изъ русскихъ разночинцевъ, вышедшій на широкое поприще литературы и во всеуслышаніе

провозгласившій тѣ затаенныя разночинскія мысли и мечты, которыя впослѣдствіи повторилъ и развилъ въ своихъ сочиненіяхъ Добролюбовъ.

Не надо забывать, однако, что разночинецъ Бѣлинскій былъ окруженъ тѣснымъ кольцомъ представителей старо-дворянской культуры, подъ обаяніемъ и властью которой онъ росъ, учился и работалъ. Отсюда и берутъ начало всѣ неистовства, съ которыми мы непремѣнно сочетаемъ дорогое намъ имя «неистоваго Виссаріона». Это были отчаянныя попытки прорваться сквозь строй чуждыхъ ему традицій и внѣ ихъ отыскать самого себя.

Съ бѣльшимъ правомъ могъ бы претендовать на званіе перваго русскаго интеллигента-разночинца Н. Г. Чернышевскій. Но и его (предположительную, конечно) кандидатуру приходится снять. Господинъ и хозяинъ въ области отвлеченнаго мышленія, Чернышевскій многими сторонами своей психики не можетъ быть признанъ типичнымъ для какой бы то ни было опредѣленной среды и даже для какой бы то ни было опредѣленной эпохи. Какъ чуткій мыслитель, онъ сумѣлъ крѣпкими нитями связать свою литературную дѣятельность съ самыми жгучими вопросами дня, первымъ откликаясь на всѣ злободневныя темы, но какъ человѣкъ онъ все-таки былъ — «не отъ міра сего».

Собственно говоря, такимъ же человѣкомъ «не отъ міра сего» считался, считается и до сей поры — Добролюбовъ. И этотъ въ корнѣ своемъ ошибочный взглядъ мѣшалъ разглядѣть подлинную фізіономію критика. Первоначальнымъ виновникомъ этой ошибки, повторяемой всѣми біографами Добролюбова, надобно признать Чернышевскаго. Обладая всѣми матеріалами для характеристики Доб-

ролюбова, зная о многомъ «человѣческомъ, слышномъ человѣческомъ» въ жизни Добролюбова непосредственно со словъ и писемъ своего друга и со-трудника, Чернышевскій сознательно скрылъ отъ читателей нѣкоторые документы, въ предположеніи, что есть вопросы, «надъ понятіями общества объ которыхъ еще господствуетъ пошлость, требующая тайны»¹.

Послѣдующіе біографы Добролюбова, черпавшіе свои свѣдѣнія исключительно изъ опубликованныхъ Чернышевскимъ матеріаловъ, не обратили должнаго вниманія на эту многозначительную оговорку и поспѣшили канонизировать критика, приписавъ послѣднему совершенно несвойственныя ему черты.

Скабичевскій, напримѣръ, во многихъ случаяхъ, когда ему приходилось писать о Добролюбовѣ, упорно твердить о присущемъ будто бы ему «строгомъ ригоризмѣ, до подвижничества христіанъ первыхъ вѣковъ».

И замѣчательно, что всѣ мы приняли эту, поистинѣ, фантастическую характеристику Добролюбова безъ всякой критики и свято, въ теченіе полу-вѣка, вѣровали въ нее. Какимъ-то удивительнымъ образомъ мы ухитрились сочетать въ нашемъ представленіи навязанный намъ образъ ригориста и подвижника съ живымъ и подлиннымъ обликомъ писателя, неутомимо провозглашавшаго самоцѣнность человѣческой личности и право ея на свободное самоопредѣленіе.

«Пора намъ убѣдиться въ томъ, — писалъ Добролюбовъ въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, — что искать страданій и лишеній —

¹ См. „Современникъ“, 1862, № 1, а также „Полное Собр. сочиненій“ Чернышевскаго, т. IX, стр. 38.

дѣло неестественное для человѣка... Романтическія фразы объ отреченіи отъ себя, о трудѣ для самого труда или «для такой цѣли, которая съ нашей личностью *ничего общаго* не имѣетъ»; — къ лицу были средневѣковому рыцарю печальнаго образа; но онѣ очень забавны въ устахъ образованнаго человѣка нашего времени» («Н. В. Станкевичъ»).

Случилось то, чего такъ опасался Добролюбовъ въ послѣдніе дни своей жизни: смерть разыграла надъ нимъ обидную шутку. Монашеская схима, въ которую обрядили Добролюбова послѣ смерти, и была именно этой обидной шуткой. Не пора ли, наконецъ, и прекратить ее?

II.

«Жизнь меня тянетъ къ себѣ, тянетъ неотразимо», — читаемъ мы признаніе Добролюбова въ одномъ изъ его дневниковъ институтскаго періода.

Разночинецъ выходитъ на открытую арену жизни и хочетъ взять отъ нея все, что она способна дать, — всѣ ея обольщенія, ея чары и краски. Только что окончивъ институтъ, онъ пишетъ своему товарищу А. П. Златовратскому: «Мы съ тобой еще только начинаемъ нашу весну... Насъ ожидаютъ наслажденія науки, мысли, правды, радости любви и дружбы»...

Многаго ждетъ онъ отъ жизни, хотя и знаетъ, что всѣ ея «наслажденія» и «радости» не дадутся ему въ руки даромъ. Въ его распоряженіи нѣтъ «Захара и еще трехсотъ Захаровъ», готовыхъ, по его приказанію, исполнять всѣ его капризы и прихоти. У него нѣтъ ничего похожаго на тѣ уютныя

родовыя «гнѣзда», въ которыхъ идеалисты 40-хъ годовъ наполняли свои сердца поэзіей, а кошельки — ассигнаціями. Онъ долженъ будетъ, не надѣясь на чью-либо постороннюю помощь, одними только личными усиліями, упорной борьбой отвоевывать отъ жизни каждый ключекъ ея скупого счастья. Такъ что же? Развѣ вся обстановка его суроваго трудового дѣтства не подготовила его къ этой борьбѣ?

Собственно говоря, эпитетъ «бѣдный», которымъ Некрасовъ характеризовалъ дѣтство Добролюбова и матеріальное положеніе его отца, едва ли можетъ быть принятъ безъ оговорокъ и разъясненій.

Чернышевскій, выросшій въ одинаковыхъ съ Добролюбовымъ условіяхъ, склоненъ, напротивъ, подчеркивать даже избытокъ своей и добролюбовской семьи. Сравнивая свое положеніе сына городскаго священника съ положеніемъ десятковъ дѣйствительно бѣдныхъ, полураздѣтыхъ и полуголодныхъ дѣтей сельскаго духовенства, Чернышевскій, не безъ ироніи, конечно, но все-таки можетъ говорить о нѣкоторой степени «знатности и богатства» своей семьи. Онъ утверждаетъ даже, что большинство его семинарскихъ товарищей почувствовали бы себя въ домѣ его родителей такими же бѣдняками и ничтожными людьми, какъ самъ онъ чувствовалъ бы себя «въ салонѣ герцога девонширскаго».

Во всякомъ случаѣ, если священника нижегородской Никольской церкви Александра Ивановича Добролюбова нельзя было назвать бѣднякомъ, то отъ «герцога девонширскаго» его отдѣляло еще большее разстояніе. Тотъ незатѣливый уютъ, который онъ успѣлъ создать для своей многочислен-

ной семьи, былъ прежде всего слишкомъ непроченъ. Не говоря уже о возможной смерти или длительной болѣзни кормильца семьи, первый же капризъ преосвященнаго Іереміи легко, однимъ росчеркомъ пера, могъ бы до основанія разрушить годами складывавшуюся обстановку. И такія покушенія со стороны архіерейскаго дома дѣйствительно дѣлались. Требовались постоянныя и напряженныя усилія, чтобы удержаться хотя бы на достигнутомъ уровнѣ благополучія, и неудивительно поэтому, что въ семьѣ о. Александра воцарилась атмосфера исключительной дѣловитости и труда.

По-своему, онъ, конечно, любилъ семью, но, вѣчно занятый, — поглощенный дѣлами прихода, законоучительства, а потомъ и домостроительства, изъ-за котораго пришлось войти въ долги, — онъ не имѣлъ ни времени, ни умѣнія, чтобы подойти къ дѣтямъ, и между отцомъ и сыномъ не установилось интимной близости. Будущій критикъ не однажды останавливался въ недоумѣніи передъ вопросомъ, — любить ли его отецъ или нѣтъ? Въ свою очередь, о. Александръ, часто и не безъ основанія гордившійся талантами и успѣхами сына, иногда, раздраженный какими-либо своими неудачами, обрушивался на него, обвиняя его въ холодности и равнодушіи къ отцовскимъ интересамъ.

Случилось однажды, что какъ разъ въ день Новаго года со двора Добролюбовыхъ сбѣжала корова. Весь этотъ день двѣнадцатилѣтній семинаристъ, вопреки своему обычному домосѣдству, провель внѣ дома и, возвратившись вечеромъ, встрѣтился съ раздраженнымъ отцомъ.

«Къ вящему несчастью, — записываетъ въ дневникѣ Добролюбовъ, — мамаша съ старшей

моей сестрой уѣхали къ А. Н. Н. на вечеръ, папаша былъ одинъ, и я долженъ былъ подвергнуться неприятностямъ. Сначала папаша пожалѣлъ о коровѣ, побранилъ заочно работницу, — за дѣло! — и принялся писать свои дѣла... Я подумалъ, что ждать мнѣ больше нечего, взялъ свѣчку и пошелъ къ себѣ въ комнату. Но папаша позвалъ меня къ себѣ и сказалъ, что «если бъ я мало-мальски радѣлъ отцу, жалѣлъ его, если бы у меня хоть немного было мозгу въ головѣ, то я занялся бы этимъ дѣломъ, а не оставилъ бы безъ вниманія, будто мнѣ все равно, хоть все гори, все распропади . . . » Послѣ этого нечего было ждать ласковаго слова. Я таки испугался предстоящей сцены и поскорѣе, по приказанію папаши, сошелъ въ кухню и спросилъ кухарку объ успѣхахъ ея поисковъ, которые были совсѣмъ безуспѣшны. Узнавши это, я въ точности донесъ папашѣ. Онъ сталъ что-то говорить, и вдругъ, Богъ вѣсть какъ, разговоръ перешелъ ко мнѣ, и тутъ-то я долженъ былъ выслушать множество вещей, которыхъ теперь и не припомню въ подробности. Но только главный смыслъ ихъ былъ таковъ: «Ты — негодяй; ты не радѣешь отцу, не смотришь ни за чѣмъ; не любишь и не жалѣешь отца; мучишь меня и не понимаешь того, какъ я тружусь для васъ не жалѣя ни силъ, ни здоровья. Ты — дуракъ, изъ тебя толку не много выйдетъ; ты ученъ, хорошо сочиняешь, но все это вздоръ. Ты — дуракъ и будешь всегда дуракомъ въ жизни, потому что ты ничего не умѣешь и не хочешь дѣлать. Вы меня не слушаете, вы меня мучаете; когда-нибудь вспомните, что я говорилъ, да будетъ поздно. Можетъ я недолго ужъ проживу. Отъ такихъ безпокойствъ, тревогъ и неприятностей по неволѣ захочешь уме-

реть; лучше прямо въ могилу, чѣмъ этакъ жить. Ничего въ свѣтѣ нѣтъ для меня радостнаго; нигдѣ не найду отрады; весь свѣтъ — подлець; всѣ твои науки никуда не годятся, если не будешь умѣть жить. Умѣй беречь деньги: безъ денегъ ничего не сдѣлаешь; деньги, охъ! — трудно достигаются: надо умѣть да и умѣть пріобрѣтать ихъ; какъ меня не будетъ, вы съ голоду всѣ умрете; никакія твои сочиненія тебѣ не помогутъ. Изъ тебя ничего хорошаго не выйдетъ; хило — гнило, хило — гнило; немного въ тебѣ мозгу: а еще умнымъ считаешься». — Все это, на разныя манеры повторяемое, я слушалъ съ 8 до 11 часовъ, ровно три часа... Каково это вынести?»

И Добролюбовъ тутъ же прибавляетъ, что такіе упреки ему приходится слышать не впервые, но на этотъ разъ они произвели на него тѣмъ болѣе тяжелое («ужасное») впечатлѣніе, что и для него лично этотъ день прошелъ неблагополучно, сильно взволновавъ и разстроивъ его.

Эта страница изъ дѣтскаго дневника Добролюбова, рисующая взаимную отчужденность между отцомъ и сыномъ, характеризуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ту холодную замкнутость, которою, какъ щитомъ, прикрывалъ себя отъ незаслуженныхъ оскорбленій въ семьѣ самолюбивый мальчикъ. Онъ упорно отмалчивался, безъ возраженій принимая потокъ сыпавшихся на него обвиненій, и только на вопросъ: «такъ ли?» — отвѣчалъ съ подчеркиваемой односложностью: «такъ-съ», еще болѣе нервирова и раздражая отца.

Недовѣрчивый и настороженный по отношенію къ отцу, Добролюбовъ всю свою привязанность отдалъ матери, женщинамъ, по общимъ отзывамъ.